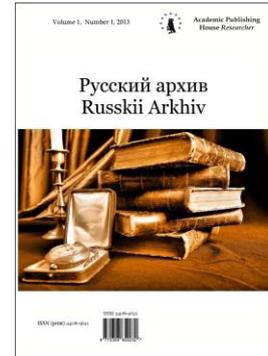

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2021. 9(1): 12-28

DOI: 10.13187/ra.2021.1.12
www.ejournal16.com

Russian Experience of the Development of Oral History: Organizational Structure, Directions and Forms of Activities. The years 1990–2020-ths

Tatiana K. Shcheglova ^{a, *}

^a Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The article considers Russian experience of the development of oral history in the years 1990–2020-ths as a variant of "oral history" – the research trend that appeared in foreign countries in the middle of the XX century. By using historical-comparative analysis of the processes of foundation, activity and liquidation of research groups and centers on the diachronic and synchronic levels the author contemplates the directions of their research, subjects and forms of activities of the centers, reveals tendencies and peculiarities of Russian oral history. The conclusions are made that the pioneers of oral history in its «foreign understanding» (oralhistory) in Russia in the very beginning were universities with laboratories of oral history and human rights organizations. The effect of this was a breakthrough in the formation of source base of modern Russian history and scientific- methodological maintaining of research projects and young oral historians training. Scientific trends in the beginning of development of Russian oral history were determined not only by the peculiarities of current political situation (glasnost and perestroika) and numerous problems in Russian source studies and historiography but also by compensatory significance of oral history oriented on the work with social groups whose rights were violated in the tragic periods of history.

Certain breakthrough in trends of research work took place in the years 2000–2020-ths and manifested itself in the extension of topical research projects using oral history as a source and method in all spheres of past historical life. The article pays attention to the fact that the oral history of the World war and the Great Patriotic war became a problematic zone that appeared in the focus of international confrontation. The author also describes a new tendency of the development of oral history – the involvement not only educational institutions but cultural-educational institutions as well, first of all, regional museums for which oral history granted new opportunities of exhibition activities. The increase in number of participants of oral history research projects coincides with the development of global information nets that led to both positive and negative consequences. The positive consequences mentioned in the article are scientific contacts in Russia and in the world, and the new forms of research work with the help of Internet resources for formation and presentation of sources (Internet-portals, websites). But their life does not last long that leads to the loss of unique sources. As a result, the most important thing is the formation of oral archives and publication of interview materials, that has its advantages and disadvantages revealed in this article.

* Corresponding author

E-mail addresses: tk_altai@mail.ru (T.K. Shcheglova)

Keywords: oral history, scientific and organizational problems, research centers and laboratories, research methods and techniques, forms of research work, scientific cooperation.

Российский опыт развития устной истории в 1990-2020-е гг. представляет несомненный интерес. Верхняя граница хронологических рамок исследования обусловлена началом массового освоения зарубежного опыта oral history. Основанием стала политика гласности периода перестройки, открывшая и архивы, и «уста» участников и очевидцев событий, не получивших анализа и освещения в советской историографии. Хотя существовали и более ранние попытки приобщиться к оформившемуся направлению исторических исследований, а опрос как метод исследования использовался еще ранее. В 1920-е гг. – это деятельность Истпарта и его региональных отделений. В годы Великой Отечественной войны многие известные историки были мобилизованы в прифронтовые зоны и на фронт для интервьюирования участников боевой, партизанской и тыловой жизни. Широко использовался опрос в краеведческой работе на протяжении всего XX столетия. Но только с оформлением устной истории, как самостоятельного направления работа по интервьюированию, созданию новых исторических источников, их документированию, архивированию, презентации и введению в научные исследования получило научно-методическое и методологическое обоснование. Основная цель публикации – выявить особенности развития отечественной устной истории в контексте развития международного опыта. Источниками являлись как материалы личного архива автора, так и опубликованные, в том числе, в сети Интернет материалы деятельности научных коллективов и центров устной истории.

Устная история (oral history), как направление междисциплинарных исследований, возникла с целью фиксации, систематизации и изучения свидетельств очевидцев и современников исторических событий с помощью разных видов опроса, преимущественно интервьюирования. По одним утверждениям, концепт устной истории популяризировался в США в 1940-е гг. благодаря деятельности американского журналиста Дж. Гулда (1889–1957), заявлявшего о своей работе над книгой «Устная история нашего времени», составленной из записи рассказов разных людей. Другие связывают ее возникновение с именем журналиста А. Невинса, который основал Oral History Research Office по созданию биографического интервью как метода исторических исследований. Сначала они были посвящены выдающимся политикам и правительствам. Со временем коллекция интервью расширялась за счет выдающихся людей из других сфер жизни. В 1948 г. при Колумбийском университете был открыт центр устной истории, что и привело к утвердившемуся мнению о пионерском вкладе А. Невинса. На протяжении многих лет этот центр был главной штаб-квартирой ассоциации устной истории США. Сегодня это лаборатория по практической устной истории и одновременно центр образования и пропагандистской деятельности ([Columbia Center...](#)).

США стали пионерами и в развитии профессиональных сообществ устных историков – в 1967 г. была создана Ассоциация устной истории США. Лишь двумя годами позже подобная организация появилась в Великобритании. После этого процесс стал необратимым. Международная ассоциация устной истории (The International Oral History Association, IOHA), как профессиональное объединение, созданное с целью служить форумом для устных историков во всем мире, была официально оформлена в июне 1996 г. на IX Международной конференции по устной истории. Концептуальными документами IOHA являются Конституция (одобрена общим собранием на Международной конференции по устной истории в Гетеборге, в Швеции, в 1996 г.) и законы (принципы) IOHA. Цели деятельности IOHA прописаны в Конституции. Среди них (ст. 1 Конституция IOHA): «...сотрудничество тех, кто занимается документацией человеческого опыта»; «публикация результатов исследования в области устной истории»; «содействие разработке стандартов и принципов для лиц и учреждений, которые занимаются сбором и сохранением исторической информации»; «организация международных конференций и совещаний»; «поддержка и развитие национальных организаций устной истории» ([International Oral History Association](#)). Состав IOHA формируется за счет вступления в нее национальных ассоциаций устной истории. На сегодняшний день они созданы повсеместно. Среди

ассоциированных членов – Ассоциации устной истории Аргентины (Asociación de Historia Oral de la República Argentina, (AHORA); Бразилии (Associação Brasileira de História Oral); Канады (Canadian Oral History Association) ([Canadian Oral History](#)); Колумбии (Colectivo de Historia Oral (Colombia)); Чехии (Czech Oral History Association) ([Česká asociace orální historie](#)); Ирана (Iranian Oral History) ([Iranian Oral History](#)); Японии (Japan Oral History Association) ([Japan Oral History Association](#)); Новой Зеландии (National Oral History Association of New Zealand); США (Oral History Association (USA)); Австралии (Oral History Association of Australia); ЮАР (Oral History Association of South Africa) ([Oral History Association of South Africa](#)); Великобритании (Oral History Society (UK)) и т.д.

Всероссийское общество устной истории, как добровольное общественное объединение, занимающееся ее проблемами, было заявлено на Первой всесоюзной научной конференции 27–28 ноября 1989 г. в г. Кирове. Инициаторами были д-р ист. наук, проф. В.А. Бердинских (г. Киров) и канд. ист. наук Д.Н. Хубова (в 1992–2007 гг. преподавала в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ), ныне – главный редактор телеканала «Телекафе») ([Хубова Дарья Никитична](#)). Как писал В.А. Бердинских: «В 1989 г. состоялись две научные конференции по проблемам устной истории в Советском Союзе. Первая из них прошла в начале октября в Московском историко-архивном институте (к сожалению, тезисы конференции не изданы), а вторая состоялась в ноябре 1989 г. в Кирове» ([Бердинских, 1992: 149-150](#)). Целью они видели «всемерное развитие устной истории как самостоятельного направления... исторической науки» для «объединения, обмена опытом, координации деятельности исследователей в области устной истории» ([Кондрашин, 1990](#)). Но окончательного оформления этого общества не произошло. После еще двух проведенных конференций в Кирове в 1991 г. и в Калининграде в 1992 г. оно прекратило свое существование ([Щеглова, 2017: 72-73](#)).

На протяжении всей второй половины XX в. устными историками был накоплен значительный опыт. В американских исследованиях устная история развивалась «сверху вниз» – элитарная устная история о президентах и других выдающихся личностях или достижениях (в области ядерной физики, радио, автомобильной промышленности и т.п.); в Европе «снизу вверх» – от массовых участников исторических процессов – нижних слоев общества, занятых повседневной жизнью в семье и на производстве; не задумывающихся о своем увековечивании в истории – рабочих, крестьян, мигрантов, городской бедноты. Эта традиция шла еще от английской историографии XIX в., занимавшейся изучением лондонской бедноты. Закрепили демократическое направление европейской устной истории потрясения, вызванные Второй мировой войной, и потребность европейских обществ осознать, почему произошла данная трагедия. Укрепление позиций устной истории в европейской практике связано с английским историком П. Томпсоном. Являясь профессором Эссекского университета и основателем журнала “Oral History”, он в своей программной работе «Голос прошлого. Устная история» рассматривая место устной истории в ряду других отраслей исторической науки, проанализировал социальную миссию и общественную роль этой «самой древней разновидности истории» ([Томпсон, 2003](#)). На современном этапе и в американской, и в европейской устной истории по-прежнему значительное внимание уделяется разным категориям населения, чьи права в прошлом ущемлялись или чей эмпирический опыт или индивидуальная память мало учитывались и не были востребованы в научных исторических реконструкциях.

На территорию Российской Федерации устная история в ее зарубежном понимании (oral history) пришла через архивоведение, как отрасль источниковедения в 1960–1970-е гг., и была связана с журналом «Советские архивы» и историками-архивистами Н.П. Кузнецовым, В.М. Виноградовым, В.М. Суриновым и др. Недаром первая научная лаборатория (Д.Н. Хубовой) во второй половине 1980-х гг. открылась в Московском историко-архивном институте (МИАИ), на базе которого был создан РГУ – один из лидеров инновационных методико-методологических поисков отечественной исторической науки в последние десятилетия. Главным фактором «легализации» устной истории на рубеже 1980–1990-х гг. стала перестройка и гласность, которые сняли запреты с табуированных или замалчиваемых тем. К сегодняшнему дню российская устная история, как новое

направление исторических исследований, прошла путь от жесткой критики и неприятия до возросшей востребованности в академической науке.

В настоящей статье автор сознательно отказывается участвовать в дискуссиях прошлого и настоящего вокруг таких утверждений, как достоверность или объективность устных источников. Эту дискуссию уже пора признать архаичной. Как писала профессор Трентского университета Дж. Сангстер: «Несмотря на то, что как популярные, так и научные исторические работы широко охватывают устную историю, как метод, способный выявить проигнорированные темы и существующие диверсифицированные видения прошлого, существуют некоторые опасения по поводу того, что устные источники не являются подходящими источниками для науки. Как недавно отметил один историк в области труда, для историков немислимо проводить конференцию на тему: “Письменные источники: какая от них польза?” Однако по поводу устной истории такой вопрос стоит... Разумеется следует изучать проблемы и вопросы предвзятости устной истории – как это делается и в случае с другими источниками» (Дж. Сангстер имела в виду работу Х. Ходьск и Дж. Макинтош «Проблемы объективности в устной истории», опубликованную в издании «Исторические науки в образовании» в 1989 г. ([Воспоминания женщин, 2001: 61, 71](#))).

В условиях отсутствия российской национальной ассоциации устной истории ее развитие идет через разрозненные центры при университетах, музеях, библиотеках. В настоящей публикации автор анализирует развитие устной истории в России через их образование, деятельность, ликвидацию. Усиливает отрыв от международного сообщества устной истории тот фактор, что проблемное поле устной истории в каждой стране, том числе в России, и его тематика формировались и формируются в соответствии с особенностью страноведческих исторических процессов и проблем отечественной историографии, а также особенностями социально-политической ситуации.

Развитие устной истории через исследовательские центры (лаборатории) в определенной степени обусловлено самим характером работы устных историков, которая, в отличие от традиционных способов формирования историками источниковой базы через индивидуальную работу в архивах разного уровня, как на этапе выявления источников, так и на этапе их обработки, требует коллективных усилий¹. В этом отношении устная история близка к таким «коллективным» наукам, как этнография или археология. Работа устных историков – это своеобразное «хождение в народ» за информацией. «Хождение в народ» имеет несколько этапов работы – от разработки научной программы опросов и подготовки научного коллектива до проведения интервью с их последующим документированием (транскрибированием). Особенно трудозатратным является перевод устной речи в письменную (транскрибирование), целью которого является создание «устных архивов» – архивирование (аннотирование) аудио- или видеointервью и создание их письменных транскриптов, дополняемых визуальными источниками (фото и видео). Если на первом этапе работы основную роль играют профессиональные историки, то на последующих привлекаются и начинающие исследователи, студенты и школьники.

Анализ деятельности центров устной истории 1990-х гг. показывает, что на этом этапе и в России, и на всем постсоветском пространстве преобладала работа по формированию источниковой базы «запретных» или табуированных тем, к которым относились так называемые «белые пятна» новейшей истории. Среди них доминировали темы репрессий: раскулачивание, депортации, дискриминации, преследования за инакомыслие и т.д. Устноисторические исследования объединяет эмоциональный фон разоблачений и обличений. Много или немного было этих эмоций в работе устных историков 1990-х гг., говорить бессмысленно, также, как и измерять степень парадности и глянцевого советской истории 1930–1980-х гг. Но они были неизбежны, так как нужно было выговориться по замалчиваемым в советской историографии темам, по которым существовал эмпирический опыт российских граждан, отличавшийся от отшлифованных оценок официальной истории и парадных портретов исторических деятелей. Это привело к росту источникового значения исследований, что отражалось и в попытках дать определение устной истории: «Уникальная особенность

¹ Но нет правил без исключений. Примером является деятельность одного из первых и признанных устных историков России – д-ра ист. наук, проф. В.А. Бердинских (Киров) или энтузиаста региональных исследований, краеведа, канд. ист. наук Б.Е. Андусева (Красноярск).

устной истории — это возможность для исследователей создавать тематически заданные документы, заполняющие лакуны в традиционном корпусе источников» ([Устная история](#)).

Так или иначе, обращение к табуированным темам способствовало росту социального и мемориального значения устной истории. Осознание компенсационного значения устной истории проявлялось и в гражданском значении исследований историков. По мере расширения работы с социальными группами, чьи права были ущемлены или нарушены в прошлом, закреплялся эмоциональный подход к работе, что сопровождалось, в том числе, определенной профессиональной деформацией самих исследователей, которые уходили в сторону обвинительства (на наш взгляд, это самостоятельная тема для изучения антропологии академической жизни). Это не являлось особенностью развития устной истории России. Некий «комплекс вины за то, что было» являлся мотивацией многих устных историков европейских стран. Особенно это отличает устную историю Германии, где много проектов посвящено Холокосту, жизни евреев, военнопленных, принудительному труду. Например, в ходе реализации проекта «Принудительные рабочие 1939–1945 гг.» Института истории и биографии университета г. Хагена совместно со Свободным университетом Берлина и Немецким историческим музеем, посвященного памяти 12 млн человек, угнанных в Германию, было проведено 590 интервью ([Zwangsarbeit Archiv](#)). Проект Свободного университета г. Берлина и Института иудаики «История еврейской жизни в Берлине» охватывал вопросы от повседневной жизни евреев в городе и контактов между еврейской и нееврейской молодежью в школе до жизни после 1933 г., включая депортации в концлагеря и лагеря смерти ([Das Visual History Archive](#)). В русле таких же подходов появились совместные проекты российских и зарубежных центров устной истории, например, русско-немецкий проект по устной истории «Жить и помнить» (*Lernen aus der geschichte*) Европейского молодежного образовательного центра г. Веймара и российского и международного «Мемориала»¹. Эти тенденции отражали устремления к адекватным реконструкциям исторического прошлого. На этом этапе устная история активно использовалась для корректировки многих страниц «истории по-советски». В 1990-е гг. российское исследовательское сообщество испытало азарт и вдохновение, когда история превратилась из науки о прошлом в науку настоящего, выполняя общественный запрос.

Параллельно с этими изменениями в тематике историографического поля инновационность устной истории проявилась в изменении ракурса исторических исследований, поставив в центр исторических исследований не государство и власть, а человека и социум. То, что устными историками было определено как «история снизу» — оценки и мнения массовых участников исторической жизни на нижних этажах общества и как «история изнутри» — через эмпирический опыт и жизненные оценки участников и очевидцев исторических процессов и событий. В целом, такие устремления отвечали духу российского общества того времени, когда возникла потребность высказаться той его части, чья судьба так или иначе была обусловлена замалчиваемыми в советской истории событиями, явлениями, фактами, а информация о них хранилась в индивидуальной памяти. Но эта информация находилась под «грифом секретности» — под внутренней цензурой, освобождение от которой в 1990-е гг. поставило эти жизненные истории в центр обсуждений в семьях, закладывая долгосрочность социальной (индивидуальной и семейной) памяти.

Важно отметить, что «хождение в народ» за информацией в 1990-е гг. выпало на период ухода последних представителей поколений участников событий 1930–1950-х гг. — депортаций, репрессий, раскулачиваний, войн, коммунарского движения, богоборчества, разрушения православных храмов и мечетей, других исторических явлений, попавших в зону умолчания в советское время. Поэтому, занимаясь фиксацией информации в эти годы, устные историки сделали важное дело — они успели записать на диктофоны и «пришпилить» на бумагу уходящую эпоху из уст ее участников и очевидцев. Более того, в 1990-е гг. фрагментарно сохранялась социальная память о революциях и Гражданской войне начала XX в. у поколений детей и внуков их участников. Зафиксированные фрагменты имеют важное значение в качестве источников, дополнив проведенную в 1920-е гг. работу региональных отделений Истпарта по сбору и фиксации устной

¹ В России организация внесена в реестр «иностранных агентов», что оспаривается ее представителями.

информации участников революций, революционного движения и Гражданской войны. Материалы Истпарта сохранились и в опубликованном виде, и в архивах. И, несмотря на последующие правки и редактирования (что тоже может быть объектом самостоятельного анализа с целью выявления интерпретаций под влиянием текущей политики и идеологии) в 1930–1950-е гг., созданные академическими историками документы Истпарта являются уникальными и до сих пор еще не получили должного внимания со стороны профессионального исторического сообщества (Щеглова, 2013).

Гражданско-правовой и исследовательский ажиотаж вокруг табуированных тем и всплеск социальной памяти стали почвой для обращения в 1990-е гг. к разработке методики устной истории на двух уровнях – академическом и образовательном. Возникла потребность учить работать с информацией, которая хранилась в памяти ее носителей. Главной причиной этой потребности как раз и являлся коллективный характер работы устных историков и вовлечение ими в эту работу школьников и студентов. В том же проекте «Жить и помнить» ([Lernen aus der geschichte](#)) был создан портал с научным и образовательным сайтом, который содержит дидактические материалы для подготовки уроков и ведения проектов для учителей истории. Такая практика не стала в 1990-е гг. чем-то кардинально новым. Как известно, опросами «бывалых людей» и «старожилов» на протяжении десятилетий занимались краеведы. Однако между краеведческими исследованиями и устной историей часто лежит значительная пропасть. Развитие устной истории особенно выпукло обозначило недостатки краеведения (Щеглова, 2020). Для подготовки работы студентов и школьников по устной истории появились первые методические пособия (Хубова, 1997; Лоскутова, 2002; Щеглова, 1993; Щеглова, 1998). Но наибольшее продвижение в методическом обеспечении устноисторической деятельности особенно учителей и школьников в 1990-е гг. и в последующем сделал «Мемориал», создав комплексную Интернет-площадку с публикацией методических материалов, проведением методологических и методических семинаров, научных конференций, а также организацией конкурсов школьных работ по устной истории. Наибольший вклад в их реализацию внесла И.Л. Щербакова ([Центр устной истории и биографии](#)). С 1999 г. «Мемориал» проводит ежегодный исторический конкурс для старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век» ([XXII Всероссийский конкурс...](#)). Важным стало формирование в 1990-е гг. и в последующем центров устной истории при педагогических вузах: Алтайском государственном педагогическом университет – АлтГПУ (с 1990 г.), Иркутском госуниверситете – ИрГУ, Братском госуниверситете – БрГУ, Воронежском государственном педагогическом университете – ВГПУ и других, что закрепило научно-методическую работу со школьниками и учителями.

Развитие устной истории в России в 2000-е гг. получило ряд новых тенденций. Первая из них – это расширение тематического поля научных исследований. Вторая тенденция – усиление международных связей. В деятельности ряда центров эти две тенденции переплелись. Постепенно тема Великой Отечественной войны перемещалась в центр устноисторических исследований 2000–2010-х гг. Произошло это, с одной стороны, в контексте активизации политической жизни вокруг проблем Второй мировой войны в преддверии раскола международного сообщества как следствия обострившейся борьбы за лидерство и влияние. Особенно эта тема стала «эксплуатироваться» в условиях поляризации мира во второй половине 2010-х гг. С другой стороны, взаимообусловленность Второй мировой и Великой Отечественной войн обусловила рост российско-зарубежных исследовательских контактов по их изучению. Примером стало превращение в 2007 г. факультативного семинара «Образ Германии и немцев в восприятии участников Великой Отечественной войны СССР», которым руководили канд. ист. наук Н.П. Тимофеева (Воронежский государственный педуниверситет) и д-р Э. Шерстяной (ФРГ) в Региональный центр устной истории в г. Воронеж (ныне научно-образовательный центр устной истории). В последующем этим центром проводились разного уровня форумы с привлечением устных историков России, Германии и Польши. Например, в 2008 г. – «Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев – возможности и пределы совместных воспоминаний», в 2006 г. – «"Восточные рабочие" в памяти русских и немцев» и т.д.

Для отечественной историографии одним из факторов обращения к Великой Отечественной войне стало, при масштабном внимании к этой исторической теме,

выявление упущенных тем, связанных с «человеком на войне» – это и бытовая жизнь на фронте, и повседневные взаимоотношения; это и непроговоренные вопросы партизанского движения, масштаб и причины гибели местного населения, вопросы плена и дискриминации бывших военнопленных и др. Именно в этот период благодаря проектам по войне расширился перечень вопросов к участниками и очевидцам войны. Так, для Центра устной истории Петрозаводского государственного университета – ПетрГУ (*Устная история в Карелии*), созданного на историческом факультете в конце 2004 г. (формально в структуру университета с марта 2005 г.) такой сложной эмоциональной темой стал проект «Финская оккупация Карелии (1941–1944)» по изучению социальной памяти двух групп участников войны. Во-первых, это свидетельства заключенных финских трудовых и концлагерей и документы послевоенной комиссии по расследованию преступлений финского оккупационного режима. Во-вторых, это практически неизвестный, умалчиваемый комплекс воспоминаний населения, отнесенного финскими властями к «родственному» (карелы, финны и др.) и свидетельства финских военных и гражданских лиц. В-третьих, это накопившийся в социальной памяти пласт претензий местного населения друг к другу, оказавшихся в финскую оккупацию по разные стороны. Самостоятельным стало и «гендерное измерение» финской оккупации Карелии.

На материалах интервью с участниками войн во-многом родилось в отечественной исторической практике новое направление военно-исторической антропологии и появились исследования основателя этого направления д-ра ист. наук Е.С. Сенявской, которая называла источники устной истории историко-социологическими, обосновывая свою позицию использованием опросных технологий, распространенных в социологии, в исторических исследованиях. Ею опубликовано несколько монографий, в которых важнейшей частью источниковой базы являлись материалы интервью (самая известная *Сенявская, 1999*).

Американские традиции развития устной истории, в том числе в принципах формирования архива устных исторических источников,¹ определили деятельность Центра устной истории Европейского университета Санкт-Петербурга (ЕУСПб), созданного в 2001 г. при поддержке Института «Открытое общество» (фонд Сороса²) и активном участии Центра изучения истории и памяти Университета Индианы (США). В изучение войны прежде всего нужно отметить уникальные проекты Центра по изучению памяти блокадников «Блокада в судьбе и памяти ленинградцев» и «Блокада в коллективной и индивидуальной памяти жителей города», которые ставили не только источниковедческие, но и образовательные задачи.

Приведенные примеры показали, что закрепление центров устной истории в вузовской среде актуализировало процессы формирования исследовательских навыков и подготовку устных историков. Так, проект Центра ЕУСПб «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» был реализован в рамках программы создания учебного центра подготовки специалистов в области устной истории, осуществлявшейся в Европейском университете в 2001–2002 г. с привлечением американских устных историков. Благодаря этой программе в Центре сформировалась группа исследователей, сотрудников и аспирантов университета. В ходе двухлетней работы участниками проекта было проведено интервьюирование с людьми, пережившими блокаду Ленинграда в 1941–1944 г., а также с представителями послевоенного поколения, чьи родители находились в городе во время блокады. Первый проект назывался «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» (руководитель — канд. ист. наук Е.И. Кэмпбелл). Второй, его продолжение, — «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города» (руководитель — канд. ист. наук В.В. Календарова).

Частью устной истории войн стало формирование временных научных коллективов при вузах. В 2008 г. был создан сайт «Устная история Второй мировой войны» при содействии И.В. Ребровой (Кубанский государственный технологический университет, КубГТУ) и руководителя проблемной группы по устной истории центра «Новая локальная

¹ Речь идет о принципах публикации персональных данных респондентов. В большинстве российских центров устной истории используется опыт этнографов с указанием в ссылке полных данных респондента. При принятии американской традиции, когда публикация персональных данных запрещена, в ссылках используется только присвоенный номер интервью и указаний фонда архива центра, где оно хранится.

² В 2015 г. признан нежелательной организацией на территории России.

история» Е.Н. Стрекаловой (Ставропольский государственный университет, в настоящее время – Северо-Кавказский федеральный университет), где были представлены проекты Стрекаловой «Трансформация памяти о Великой Отечественной войне в современной России: на материалах Краснодарского и Ставропольского краев» и «Архив устной истории Великой Отечественной войны (на материалах Северного Кавказа)».

Травматическое события действительно притягивают устную историю. Трагедия и незащитность человека и человечества является сильнейшей мотивацией в развитии устной истории, как за рубежом, так и в России. В этом отношении устная история развивалась в России в русле общемировых тенденций, откликаясь на юбилейные даты, связанные с самыми масштабными войнами XX столетия, охватившими, прежде всего, страны Европы. Так, проект Imperial war museums ([Imperial War Museums](#)) главной целью поставил подготовку к мероприятиям, связанным со столетием начала Первой мировой войны в 2014 г. Вследствие удаленности военных событий участники проекта глобализировали проблему через изучение и понимание истории современной войны и военного опыта через устную историю. IWM является уникальным в своем роде сайтом по освещению конфликтов от Первой мировой войны до наших дней, особенно с участием Британии и Содружества (основные центры проекта расположены в Лондоне, графство Кембриджшир и Большой Манчестер). Участниками проекта являются пять музеев: IWM Лондоне, IWM Севера в Траффорде, Большом Манчестер, IWM Duxford недалеко от Кембриджа, и музея-корабля HMS Belfast, пришвартованного в Лондоне на реке Темзе.

Анализ участников развития устной истории в России в это время показывает, что основными площадками стали вузы с вовлечением студентов в проектную работу центров, в отличие от зарубежного опыта, где много центров наряду с вузами, возникало на базе библиотек и архивов. А главное, устная история из направлений исторических исследований стала вводиться как учебная дисциплина в высших учебных заведениях ([Устная история, 2017](#)). Появились первые учебники ([Щеглова, 2011](#)); был оценен потенциал устной истории в формировании исследовательских навыков будущих историков по работе с информацией в материализованных и нематериализованных видах памяти. В Центре устной истории Южно-Уральского государственного университета – ЮУрГУ (г. Челябинск) одна из задач так и формулировалась: «с помощью проведения устных интервью приобщить студентов к научному поиску, развить в них соответствующие умения и навыки». Популяризацией устной истории как научной дисциплины, как и подготовкой специалистов в области устной истории, занимались на исторических факультетах ПетрГУ, АлтГПУ, ЕУСПб, ВГПУ и других университетов.

Новым направлением исследовательской работы устной истории России в 2000-е гг. стало обращение к изучению памяти о советской эпохе. Надо сказать, что история советского общества до сих пор не нашла своего достойного внимания в силу разных причин – и в силу отсутствия теоретико-методологических подходов, и в силу конъюнктурных соображений, и в силу навязывания стереотипов, мифологем и идеологем о советском времени, сформировавшимся в постсоветские годы, и в силу боязни историков заниматься еще не ушедшей в прошлое эпохи. Первые проекты были связаны с «менее политизированными темами». Среди наиболее интересных проектов можно назвать проекты центров устной истории ЕУСПб «Повседневность эпохи позднего социализма в памяти последнего советского поколения», ПетрГУ «Советский туризм в Финляндию» (рук. А.В. Голубев и И.М. Соломещ) и «Карелия и Беларусь: повседневная жизнь и культурные практики населения в 1930–50-е гг.» ([Устная история в Карелии](#)). Последний проект реализовывался совместно с белорусскими историками, для которых также интересны были трансформации повседневной культуры в довоенные и послевоенные годы, которые сопровождалась сломом традиционной культуры, существовавшей до начала 1930-х гг.

Уход в повседневность можно рассматривать как своеобразный компромисс исторического сообщества, достигнутый, с одной стороны, между опасением заниматься советской эпохой, с другой стороны, пониманием необходимости ею заниматься. Надо заметить, что такая ситуация не безобидна. Устные историки упускают возможности зафиксировать мнения и оценки участников и очевидцев советской жизни со всеми ее преимуществами и недостатками. На глазах историков происходит смена поколений. Фактически, последние «рожденные в СССР», а это респонденты, которые в завершающие советские десятилетия – 1970–1980-е гг. находились в пионерском и комсомольском

возрасте, уже переходят в разряд пенсионеров, теряя своих одногодков – носителей информации о жизни на уровне полевого стана, комсомольской стройки, пионерского лагеря и других явлений советской истории. В результате общество рискует остаться с политизированными и агрессивными версиями реконструкции прошлого официальной историей в советское и в постсоветское время. Хотя в этом направлении достигнуты очень интересные результаты. Как показывает опыт Центра устной истории ЮУрГУ, в советскую эпоху можно войти «изнутри» и «снизу вверх» через разные темы. Научно-образовательный центр «Устная история» был образован 28 июня 2010 г. при кафедре Истории России Южно-Уральского государственного университета. Среди его тем – «Повседневная жизнь советского общества в устных воспоминаниях жителей Южного Урала»; «Наша заграница» глазами советских военнослужащих», «Кино и зритель в пространстве советской культуры». В его задачах стоит не просто «создать базу устных воспоминаний», а «сохранить ее для будущих исследователей» (ЮУрГУ).

Этот пример, показывает, что у историков пришло осознание того, что не только табуированные или политизированные исторические проблемы, но вся прошлая жизнь в государственных хранилищах для ее изучения требует дополнения источниковой базы, которая отражает жизнь государства и государственных социально-экономических объектов, а не общества. Это позволяет говорить о том, что устные историки отошли от настроений «восстановления справедливости» и осознали общенаучную значимость устной истории, в том числе роль устной истории в обновлении новейшей истории России как на уровне страны, так и ее регионов. Выбор же тем зависит от историков и их ориентации, как на собственные научные интересы, так и научные и общественные потребности общества с учетом страноведческих и региональных особенностей.

В этом отношении интересным является опыт иркутских устных историков. Работа по созданию архива устной истории Байкальской Сибири начиналась в 2005 г. сотрудниками научно-исследовательской лаборатории гуманитарных исследований БрГУ под руководством д-ра ист. наук Л.В. Зандановой (Иркутск, Восточно-Сибирская государственная академия образования – ВСГАО) и канд. ист. наук Л.М. Салаховой (Братск, БрГУ). В процессе оптимизации высшей школы лаборатория прекратила свою деятельность. Уникальная коллекция звуковых и визуальных материалов была перевезена в Иркутск в 2012 г. В настоящее время работа продолжается на базе кафедры истории и методики Педагогического института ИГУ (г. Иркутск). За 16 лет полевой деятельности собраны и задокументированы устные воспоминания не одной сотни жителей, оцифрованы уникальные фотоматериалы, рукописи, документы, письма. В работе принимают активное участие молодые исследователи (бакалавры и магистранты) обучающиеся на отделении гуманитарно-эстетического образования, а также учителя и краеведы Иркутской области, которых обучают методам создания коллекций устных воспоминаний.

Территориально выделяются такие направления: Приангарье и Приленье – территории вокруг двух крупных реки, жизнь около которых существенно различается. Ангара рассматривается как пространство реализации модернизационных проектов второй половины XX в., повлекших мощные миграции, исчезновение старожильческих поселений, масштабную урбанизацию (Ангарск, Братск, Усть-Илимск – города с населением больше 100 тыс. населения). На Лене, напротив, сохранились старожильческие поселения, что позволило через изучение пространства и рассказы респондентов видеть, как и какие сохраняются традиции, и под влиянием чего происходят социокультурные изменения. Среди ведущих исследовательских тем: «Истории затопленных приангарских поселений (1950-е – 2010-е гг.)»; «Сельское сообщество Байкальской Сибири в условиях модернизационных вызовов XX в.»; «Истории вынужденных миграций и насильственных переселений в Байкальскую Сибирь»; «Сибирь романтическая» (истории жизни первостроителей новых индустриальных городов); «Повседневная жизнь сибиряков в годы Великой Отечественной войны». Новыми проектами являются «Память о 1990-х годах» и «Иркутское двороведение». В последнем проекте складывается аудиотека воспоминаний людей разных поколений, для которых двор с меняющимися сообществами, распорядками и конвенциями был и местом обретения социального опыта, и пространством уединения, самореализации, выживания. Изначально в центре внимания оказались рассказы потомков иркутских домовладельцев. Перед исследователями развернулись истории «уплотнений»,

превращения иркутских мещанских усадеб и доходных домов в коммунальное пространство. А в центре внимания люди, которые искали способы выживания: бывшие домовладельцы, новые горожане из деревень (бежавшие от раскулачивания) и т.д. (Салахова, 2018) В совокупности региональный подход существенно расширяет пространственные и временные границы исследований.

Возросшее значение устной истории в 2000-е гг. стало широко осознаваться не только научными, но и общественными силами. Это проявлялось в финансовой поддержке устных исследований. Ярким примером является грантовая деятельность Фонда Прохорова. Им поддержаны проекты устной истории Воронежского центра устной истории. Фонд поддержал развитие студенческого участия в конференциях, адресно финансируя поездки с докладами по устной истории студентов разных вузов. Но наиболее убедительным примером является финансирование создания и деятельности центра устной истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова – МГУ. Фонд развития гуманитарных исследований «Устная история» основан в 2010 г. сотрудниками отдела устной истории Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова. Началось его формирование с целью мемориализации: работа по записи устных воспоминаний научной и творческой интеллигенции была начата в МГУ еще в 1967 г. В.Д. Дувакиным, который в период начала диссидентского движения на процессе над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем выступил единственным свидетелем защиты, и был отстранен от преподавания на филологическом факультете МГУ. После многочисленных писем поддержки деятелей науки и культуры ректор МГУ И.Г. Петровский предложил сформулировать новое направление деятельности на подчиненной непосредственно ректорату кафедре научной информации. Дувакин предложил формирование архива устной истории науки и культуры – дело, которое он задумал еще в середине 1930-х гг. Так началось формирование архива устных воспоминаний, хранящихся в отделе. За 15 лет работы В.Д. Дувакин сумел записать около 300 человек, или более 850 единиц хранения. На сегодняшний день одним из приоритетных направлений деятельности Фонда является создание архива национальной памяти – Общедоступного сетевого архива (Устная история 2), как специализированного собрания устных воспоминаний выдающихся ученых в России. Это архив нового типа, комплектуемый видеобеседами по разнообразным исследовательским программам, с принципиально открытой формой использования материала. Он доступен и является одной из новационных форм реализации проекта устной истории, поддержанной Прохоровым.

Сетевые архивы как новая форма развития устной истории получили распространение в последующие годы как в России, так и за рубежом. Особенно – по истории Великой Отечественной войне. Большинство из них предполагают обратную связь с носителями исторической информации, как, например, сетевой архив интервью бывших оstarбайтеров, военнопленных и узников немецких лагерей «Та сторона» (По ту сторону войны. Остарбайтеры и военнопленные о Германии и СССР) (Та сторона. Архив устной истории), отражающий жизнь обычных людей, оказавшихся в орбите самого трагического события мировой истории. В его основе лежит архив общества «Мемориал», который содержит более 300 многочасовых интервью, записанных с конца 1980-х гг. до самого последнего времени, около 400 тыс. писем бывших оstarбайтеров, а также интервью, фотографии, документы, которые пришли от респондентов. Сайт имеет новационную систему публикации текстовых источников Archivist, которая позволяет удобно размечать расшифровки, создавая разные типы указателей и вспомогательных словарей. В качестве зарубежного примера можно назвать сайт Memory of Nations – цифровой архив воспоминаний «Память народа». Его создали в 2008 г. три чешские организации: общество Post Bellum, Чешское радио и Институт исследования тоталитарных режимов. На его платформе (Paměť národa) размещены 29 действующих проектов по устной истории. Сайт имеет удобный интерфейс и систему навигации. Имеется возможность использовать функцию переключения на 10 европейских языков.

С 2010-х гг. в развитии устной истории активно включились государственные музеи, которые увидели в устной истории не только метод и источник исторических исследований, но и способ обновления, с одной стороны, методов экспозиционной и выставочной деятельности, с другой стороны, способ формирования музейных коллекций

(аудиоинтервью и материалов семейных архивов). Особенно активно устная история используется региональными музеями. Создание устных исторических источников, в таком случае, определяется особенностями исторического прошлого и социокультурной средой регионального общества. Так, созданный при музее города Новосибирска центр устной истории определил широкое поле деятельности по «созданию комплексной системы сбора, хранения, систематизации и публикации исторических источников устного и визуального происхождения на основе планомерно организованной работы с очевидцами и участниками исторических событий, социальных и культурных явлений и практик повседневности», что «призвано было содействовать развитию социокультурного пространства города, аккумуляции традиций городского сообщества, обеспечению культурной преемственности и укорененности». В Волгограде, обожженном войной, устная история стала широко использоваться в работе Музея детства по интервьюированию детей войны. Его руководителем Л.А. Бондаренко записано более 30 больших (от 2 и более часов) интервью. Наиболее типичные сюжеты используются в экскурсии по залу «Дети войны».

На примере этих двух музеев видно, что полученный ими материал довольно широко используется в социокультурных пространствах городов. Если вузы и научные организации тяготеют больше к научно-образовательной среде, то музеи являются частью культурного медиапространства. Для первых устная история – важнейший способ проникновения в историческое прошлое и направлена на развитие науки; для вторых – объектом, на которое направлены усилия, является посетитель и его включенность в историю. Этим объясняется и большое значение музеев в популяризации устной истории, росту ее мемориального и воспитательного (гражданственность) значения. В том же Музее детства материалы интервью используются как в экспозиционно-выставочной деятельности, так и в массовых медиаформах: в городских театрах (например, «Украденное солнце» А.Э. Серова), в документальных фильмах («Сталинград: мы еще живы или нет?» А. Янковского, «Детдомовцы» Л. Буриной, «Дом, в который вернулось детство» Н. Гордеевой и П. Карелиным), в программах местного телевидения («Сталинградская битва: обратный отсчет»).

Новой тенденцией в деятельности музеев стало создание новых выставок и постоянных экспозиций с использованием мультимедийных устройств через вовлечение широкой аудитории и выстраивании долгосрочной обратной связи. Например, Алтайский государственный краеведческий музей совместно с АлтГПУ, Министерством образования и науки Алтайского края, Министерством культуры в 2020 г. организовал краевой конкурс исследовательских проектов «Дети XXI века о детях войны» (куратор проекта О.Г. Филиппова). Совместный проект в области культуры и образования был направлен на сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войны с привлечением к этой теме школьников и студентов. В номинациях конкурса «Устная история» и «История семейного архива» приняли участие больше 100 участников со всего Алтайского края. Полученные в ходе конкурса материалы (аудиоинтервью, видео, фото и т.п.) использовались музеем в ходе создания краевой межмузейной выставки «Тыл – наша линия фронта» в двух форматах. Первый – в виде кратких выдержек из воспоминаний в качестве оформленных аннотаций, дополняющих материальные свидетельства того времени – музейные экспонаты. Второй формат – мультимедийный. Был создан специальный интерактивный контент, который содержал познавательный и игровой компоненты. Познавательный был представлен в виде интерактивной карты с районами Алтайского края и размещенными в них воспоминаниями жителей Алтая как в текстовом, так и аудио и видео- формате. Игровая часть контента позволяла оказаться в ситуации «детей войны», когда нужно было собрать для еды растущие дикоросы и не ошибиться, а также выйти из непростой ситуации, например, в отсутствие необходимой одежды.

Широкие возможности как в выставочном и экскурсионном проектировании, так и в работе с носителями информации в этом направлении предоставляет Интернет-пространство. Соединением интернет-технологий со сбором воспоминаний россиян с их последующей музеефикацией и использованием в экспозиционно-выставочной деятельности является проект Томского государственного краеведческого музея – «Сибиряки вольные и невольные» ([Сибиряки вольные и невольные](#)). Этот проект (выставка и сайт) стал возможен при грантовой поддержке Благотворительного фонда В.О. Потанина. Как указывает один из инициаторов проекта Т.Ю. Назаренко, «одна из главных задач

авторов проекта — сформировать на сетевом ресурсе релевантный исторический источник» через организацию сбора и музеефикации информации» (Назаренко, 2015: 341). Конечно, связи краеведческих музеев с живыми носителями информации были всегда, но «устная история» внесла научно-методическую организацию. Для работы с респондентами сотрудниками ТГКМ был создан сайт, где размещаются научно-методические материалы, материалы интервью, фотодокументы и т.п. Демонстрационная версия сайта с историями выставлена в музейной экспозиции на плазменной панели. Посетители могут ознакомиться с текстами прямо на выставке. Результативным стало использование устных историй в экскурсиях для создания звукового сопровождения на выставке «Сибиряки вольные и невольные», посвященной истории самого крупного вольного переселения в русской дореволюционной истории – Столыпинской аграрной реформы, и переселениям в северные районы современной Томской области во время коллективизации конца 1920–1930-х гг.

В заключении следует подчеркнуть, что историко-сравнительный анализ развития отечественной устной истории в контексте международного опыта (как на диахронном, так и синхронном уровне) выявил ряд традиций и особенностей. Во-первых, развитие устной истории в России идет через деятельность научных центров, создаваемых инициативно. В этом кроется определенная опасность, так как даже в случае формального закрепления в структуре организаций и учреждений, лаборатории и центры устной истории не гарантированы от их ликвидации. И причинами служит сам характер работы, основанной на энтузиазме исследователей при огромных трудозатратах устноисторической деятельности. Именно необходимость расширения участников устноисторических исследований, не столько на этапе научно-методической подготовки, организации и проведения интервью, сколько при документировании и архивировании устных источников, способствует созданию научных коллективов центров при высших учебных заведениях. Положительным следствием этого стало признание устной истории в качестве учебной дисциплины с введением ее в программы бакалавриата и магистратуры. Это способствовало расширению работы по научно-методическому сопровождению исследований и подготовке молодых устных историков.

Во-вторых, проанализировав научные темы и проблемы, а также формы деятельности центров в России, можно утверждать, что направления исследований устных историков в России, их тематика были обусловлены как особенностями исторических процессов в прошлом, так и особенностями текущей социально-политической ситуации, а также накопившимися проблемами в отечественном источниковедении и отечественной историографии. Вместе с тем, как и за рубежом, мотивировало деятельность историков на этапе становления в 1990-е гг. компенсационное значение устной истории, с ориентацией на работу с социальными группами, чьи права были ущемлены или нарушены в прошлом, что соответствует международной тенденции формирования покаяния и признания вины за трагические страницы прошлой истории. Поэтому в 1990-е гг., в том числе благодаря устной истории, корректировались представления о многих вопросах советской истории. Устная история и в последующем сохраняла гражданское и социальное значение. Этим объясняется ее использование в правозащитных организациях. Перелом в направлениях работы проявился с середины 2000-х гг. в использовании устной истории как источника и метода изучения во всех сферах исследований прошлого.

В-третьих, устная история в дальнейшем развитии вовлекла в свою деятельность не только образовательные, но и культурно-просветительские организации и учреждения. Но, в отличие от зарубежного варианта, они образовывались не столько при библиотеках или архивах, сколько в региональных музеях, особенно в 2010-х гг. Связано это в том числе с признанием одним из приоритетов научных изысканий памяти в разных ее видах (историческая, социальная, культурная и т.д.): для университетских центров – с целью расширения источниковой базы; музеев привлекли эмоциональный и презентационный потенциал устной истории. Широкое применение материалы устной истории нашли и в формировании музейных фондов, и в экспозиционно-выставочной деятельности.

Расширение участников и развитие глобальных сетей привело, в-четвертых, к освоению устными историками Интернет-технологий, которые активно вводились как на этапе выстраивания обратной связи с носителями информации, так и на этапе разработки форм документирования, архивирования, сохранения и использования создаваемых устных

исторических источников. Широкое распространение наряду с созданием устных архивов при центрах получило развитие сетевых сайтов с выставлением коллекций устных источников. За последние годы численность Интернет-порталов и сетевых сайтов ресурсов выросла. При несомненной пользе, прежде всего, в реабилитационном и гражданском звучании, в этом процессе кроется опасность. Анализ интернет-ресурсов показал, что их жизнь недолговечна. В связи с этим следует обратить внимание на ответственность устных историков, которые должны озаботиться сохранением материалов (а это, как правило, письменные дубликаты) с их передачей на хранение в государственные архивы. Иначе собранные уникальные источники погибнут вместе с сайтами. Отчасти выходом является их публикация. Но учитывая, что источники редактируются, а убираемые «сорные» слова или «латентные» фразы, а также «лишняя» аудио- и визуальная информация (паузы, междометия, позы) теряется, можно говорить и о проблеме искажения смысла, вкладываемого респондентом в свою версию произошедшего при ее опубликовании.

Литература

XXII Всероссийский... – XXII Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ «Человек в истории. Россия – XX век». 2020–2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://urokiistorii.ru/article/57078> (дата обращения: 18.05.2021).

Бердинских, 1992 – Бердинских В.А. Проблемы устной истории в СССР // *Этнографическое обозрение*. 1992. №5. С. 149–150.

Воспоминания женщин, 2001 – Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: сб. ст. Бишкек: Фонд «Сорос-Киргизстан», 2001.

Кондрашин, 1990 – Кондрашин В.В. Конференция молодых историков по проблемам устной истории // *История СССР*. 1990. №5. С. 220–222.

Лоскутова, 2002 – Лоскутова М.В. Устная история: методические рекомендации по проведению исследования. СПб: Европейский дом, 2002. 56 с.

Назаренко, 2015 – Назаренко Т.Ю. Устные истории потомков переселенцев в проекте «Сибиряки вольные и невольные» Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова / *Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета* (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.). Вып. 9 / под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 341.

Салахова, 2018 – Салахова Л.М. Из опыта работы по сохранению исторической памяти жителей Байкальской Сибири / *Сибирь в изменяющемся мире*. История и современность: материалы Всероссийской науч.-теорет. конф. с международным участием, посвященной 105-й годовщине со дня рождения д.и.н. В.Г. Дулова и 90-летию его ученика, д.и.н. профессора В.Г. Тюкавкина (Иркутск, 25 апреля 2018 г.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. С. 517–521.

Сенявская, 1999 – Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.

Сибиряки вольные и невольные – Сибиряки вольные и невольные [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90anbaj9adoj.xn--80asehdb/> (дата обращения: 18.05.2021).

Та сторона. Архив устной истории – Та сторона. Архив устной истории [Электронный ресурс]. URL: <http://tastorona.su/> (дата обращения: 18.05.2021).

Томпсон, 2003 – Томпсон П. Устная история. Голос прошлого. М.: Весь Мир, 2003. 366 с.

Устная история – Устная история // Фонд знаний «Ломоносов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134503> (дата обращения: 14.11.2011).

Устная история 2 – Устная история [Электронный ресурс]. URL: <http://oralhistory.ru/> (дата обращения: 18.05.2021).

Устная история, 2017 – Устная история. Методические рекомендации для студентов исторических специальностей: 46.04.01 История (Академическая магистратура) / сост. Е.В. Волков, Р.С. Черепанова. Челябинск: ЮУрГУ, 2017. 16 с.

Устная история в Карелии – Устная история в Карелии [Электронный ресурс]. URL: <http://oralhist.karelia.ru/libr.htm> (дата обращения: 18.05.2021).

[Хубова Дарья Никитична](#) – Хубова Дарья Никитична // Фонд академии Российского телевидения [Электронный ресурс]. URL: <http://old.tefi.ru/biografii/539> (дата обращения: 30.05.21).

[Хубова, 1997](#) – Хубова Д.Н. Устная история “Verba Volant...?” Методическое пособие. М.: РГГУ, 1997. 64 с.

[Центр устной истории и биографии](#) – Центр устной истории и биографии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/collections/archives/oral-history/> (дата обращения: 18.05.2021).

[Щеглова, 1993](#) – Щеглова Т.К. Методика сбора устных исторических источников // Школьное краеведение / отв. ред. М. А. Демин. М., 1993. С. 3–24.

[Щеглова, 1998](#) – Щеглова Т.К. Устная история и краеведческая работа // Преподавание истории в школе. 1998. № 5. С. 60–66.

[Щеглова, 2011](#) – Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие для студентов вузов. Барнаул: АлтГПА, 2011. 363 с.

[Щеглова, 2013](#) – Щеглова Т.К. Устная история в отечественной исторической практике 1920–1930-х годов: опыт и значение // «Комунікативні горизонти усної історії»: матеріали міжнародної наукової конференції. Переяслав-Хмельницький, 2013. С. 44–55.

[Щеглова, 2017](#) – Щеглова Т.К. Становление и развитие российской устной истории (oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сборник научных статей / отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 60–106.

[Щеглова, 2020](#) – Щеглова Т.К. Устная история как метод и источник историко-краеведческих исследованиях: достижения, недостатки, перспективы и взаимодействие // Краеведение и туризм. Вып. 2 / Ред. Т.К. Щеглова и др. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 142–152.

[Canadian Oral History](#) – Canadian Oral History [Электронный ресурс]. URL: <http://www.canoha.ca> (дата обращения: 18.05.2021).

[Česká asociace orální historie](#) – Česká asociace orální historie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oralhistory.cz/> (дата обращения: 18.05.2021).

[Columbia Center...](#) – Columbia Center for Oral History Columbia University Libraries. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.columbia.edu/indiv/ccoh.html> (дата обращения: 12.11.2011).

[Das Visual History Archive](#) – Das Visual History Archive an der Freien Universität Berlin [Электронный ресурс]. URL: www.zwangsarbeit-archiv.de (дата обращения: 18.05.2021).

[Imperial War Museums](#) – Imperial War Museums [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/search> (дата обращения: 18.05.2021).

[International Oral History Association](#) – International Oral History Association [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iohanet.org/membership/signup.php> (дата обращения: 12.10.2014).

[Iranian Oral History](#) – Iranian Oral History [Электронный ресурс]. URL: www.oral-history.ir (дата обращения: 18.05.2021).

[Japan Oral History Association](#) – Japan Oral History Association [Электронный ресурс]. URL: <http://joha.jp> (дата обращения: 18.05.2021).

[Lernen aus der geschichte](#) – Lernen aus der geschichte [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lernen-aus-der-geschichte.de/> (дата обращения: 18.05.2021).

[Oral History Association of South Africa](#) – Oral History Association of South Africa [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ohasa.org.za/> (дата обращения: 18.05.2021).

[Paměť národa](#) – Paměť národa [Электронный ресурс]. URL: http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/what-is-memory-of-nation?locale=cs_CZ (дата обращения: 18.05.2021).

[Zwangsarbeit Archiv](#) – Zwangsarbeit Archiv [Электронный ресурс]. URL: www.zwangsarbeit-archiv.de (дата обращения: 18.05.2021).

References

[Berdinskikh, 1992](#) – Berdinskikh, V.A. (1992). Problemy ustnoy istorii v SSSR [Problems of oral history in the USSR]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5: 149–150. [in Russian]

- [Canadian Oral History](http://www.canoha.ca) – Canadian Oral History [Electronic resource]. URL: <http://www.canoha.ca> (date of access: 18.05.2021).
- [Česká asociace orální historie](http://www.oralhistory.cz/) – Česká asociace orální historie [Electronic resource]. URL: <http://www.oralhistory.cz/> (date of access: 18.05.2021). [in Czech]
- [Columbia Center...](http://library.columbia.edu/indiv/ccoh.html) – Columbia Center for Oral History Columbia University Libraries. [Electronic resource]. URL: <http://library.columbia.edu/indiv/ccoh.html> (date of access: May 18, 2021).
- [Das Visual History Archive](http://www.zwangsarbeit-archiv.de) – Das Visual History Archive an der Freien Universität Berlin [Electronic resource]. URL: www.zwangsarbeit-archiv.de (date of access: May 18, 2021). [in German]
- [Imperial War Museums](http://www.iwm.org.uk/collections/search) – Imperial War Museums [Electronic resource]. URL: <http://www.iwm.org.uk/collections/search> (date of access: May 18, 2021). [in English]
- [International Oral History Association](http://www.iohanet.org/membership/signup.php) – International Oral History Association [Electronic resource]. URL: <http://www.iohanet.org/membership/signup.php> (date of access: May 18, 2021).
- [Iranian Oral History](http://www.oral-history.ir) – Iranian Oral History [Electronic resource]. URL: www.oral-history.ir (date of access: 18.05.2021). [in Farsi]
- [Japan Oral History Association](http://joha.jp) – Japan Oral History Association [Electronic resource]. URL: <http://joha.jp> (date of access: May 18, 2021). [in Japanese]
- [Khubova Dar'ya Nikitichna](http://old.tefi.ru/biografii/539) – Khubova Dar'ya Nikitichna. Fond akademii Rossiyskogo televideniya [Foundation of the Academy of Russian Television] [Electronic resource]. URL: <http://old.tefi.ru/biografii/539> (date of access: 30.05.2021). [in Russian]
- [Khubova, 1997](#) – *Khubova, D.N.* (1997). Ustnaya istoriya “Verba Volant...?” [Oral history “Verba Volant...?”]. Moscow: RGGU, 64 p. [in Russian]
- [Kondrashin, 1990](#) – *Kondrashin, V.V.* (1990) Konferentsiya molodykh istorikov po problemam ustnoy istorii [Conference of young historians on oral history]. *Istoriya SSSR*. 5: 220-222. [in Russian]
- [Lernen aus der geschichte](http://www.lernen-aus-der-geschichte.de/) – Lernen aus der geschichte [Electronic resource]. URL: <http://www.lernen-aus-der-geschichte.de/> (date of access: 18.05.2021). [in German]
- [Loskutova, 2002](#) – *Loskutova, M.V.* (2002). Ustnaya istoriya: metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu issledovaniya [Oral history: guidelines for research]. SPb: Evropeyskiy dom, 56 p. [in Russian]
- [Nazarenko, 2015](#) – *Nazarenko, T.Yu.* (2015). Ustnye istorii potomkov pereselentsev v proekte “Sibiryaki vol'nye i nevol'nye” Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. M.B. Shatilova [Oral histories of the descendants of immigrants in the project “Siberians, free and involuntary” of the Tomsk Regional Museum of Local Lore M.B. Shatilova]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 25-letiyu tsentra ustnoy istorii i etnografii laboratorii istoricheskogo kraevedeniya Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Barnaul, 28–30 oktyabrya 2015 g.). Is. 9. Barnaul: AltGPU, p. 341. [in Russian]
- [Oral History Association of South Africa](http://www.ohasa.org.za/) – Oral History Association of South Africa [Electronic resource]. URL: <http://www.ohasa.org.za/> (date of access: May 18, 2021).
- [Paměť národa](http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/what-is-memory-of-nation?locale=cs_CZ) – Paměť národa [Electronic resource]. URL: http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/what-is-memory-of-nation?locale=cs_CZ (date of access: May 18, 2021). [in Czech]
- [Salakhova, 2018](#) – *Salakhova, L.M.* (2018). Iz opyta raboty po sokhraneniyu istoricheskoy pamyati zHITELEY Baykal'skoy Sibiri [From the experience of preserving the historical memory of the inhabitants of Baikal Siberia]. *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost': materialy Vserossiyskoy nauch.-teoret. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 105-y godovshchine so dnya rozhdeniya d.i.n. V.G. Dulova i 90-letiyu ego uchenika, d.i.n. professora V.G. Tyukavkina* (Irkutsk, 25 aprelya 2018 g.). Irkutsk: “Ottisk”, pp. 517-521. [in Russian]
- [Senyavskaya, 1999](#) – *Senyavskaya, E.S.* (1999). *Psikhologiya voyny v XX veke: ist. opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century: ist. experience of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 382 p. [in Russian]
- [Shcheglova, 1993](#) – *Shcheglova, T.K.* (1993). *Metodika sbora ustnykh istoricheskikh istochnikov* [Methods for collecting oral historical sources]. *Shkol'noe kraevedenie*. Ed. M.A. Demin. Moscow, pp. 3-24. [in Russian]
- [Shcheglova, 1998](#) – *Shcheglova, T.K.* (1998). Ustnaya istoriya i kraevedcheskaya rabota [Oral history and local history work]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 5: 60-66. [in Russian]

Shcheglova, 2011 – *Shcheglova, T.K.* (2011). Ustnaya istoriya [Oral history] Textbook for university students. Barnaul: AltGPA, 363 p. [in Russian]

Shcheglova, 2013 – *Shcheglova, T.K.* (2013). Ustnaya istoriya v otechestvennoy istoricheskoy praktike 1920–1930-kh godov: opyt i znachenie [Oral history in the domestic historical practice of the 1920s – 1930s: experience and significance]. “Komunikativni gorizonti usnoi istorii”: materiali mezhdunarodnoy naukovoi konferentsii. Pereyaslav-Khmel'nits'kiy, pp. 44-55. [in Russian]

Shcheglova, 2017 – *Shcheglova, T.K.* (2017). Stanovlenie i razvitie rossiyskoy ustnoy istorii (oral history) v 1980–2010 gody v kontekste obshchestvenno-politicheskoy i nauchnoy zhizni Rossii i v sravnenii s mezhdunarodnymi traditsiyami ustnoy istorii [Formation and development of Russian oral history in 1980–2010 in the context of the socio-political and scientific life of Russia and in comparison with international traditions of oral history]. Ustnaya istoriya v sovremennoy issledovatel'skoy praktike na postsovet'skom prostranstve: sbornik nauchnykh statei. Ed. T.K. Shcheglova. Barnaul: AltGPU, pp. 60-106. [in Russian]

Shcheglova, 2020 – *Shcheglova, T.K.* (2020). Ustnaya istoriya kak metod i istochnik istoriko-kraevedcheskikh issledovaniyakh: dostizheniya, nedostatki, perspektivy i vzaimodeystvie [Oral history as a method and source of local history research: achievements, shortcomings, prospects and interaction]. *Kraevedenie i turizm. 2*. Ed. T.K. Shcheglova and others. Barnaul: AltGPU, pp. 142-152. [in Russian]

Sibiryaki vol'nye i nevol'nye – Sibiryaki vol'nye i nevol'nye [Free and involuntary Siberians] [Electronic resource]. URL: <https://xn--90anbaj9adoj.xn--80asehdb/> (date of access: May 18, 2021). [in Russian]

Ta storona. Arkhiv ustnoy istorii – Ta storona. Arkhiv ustnoy istorii [That side. Oral History Archive] [Electronic resource]. URL: <http://tastorona.su/> (date of access: May 18, 2021). [in Russian]

Tompson, 2003 – *Tompson, P.* (2003). Ustnaya istoriya. Golos proshlogo [The Voice of the Past. Oral History]. Moscow: Ves' Mir, 366 p. [in Russian]

Tsentr ustnoy istorii i biografii – Tsentr ustnoy istorii i biografii [Center for Oral History and Biography] [Electronic resource]. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/collections/archives/oral-history/> (date of access: 18.05.2021). [in Russian]

Ustnaya istoriya – Ustnaya istoriya [Oral history]. Fond znaniy “Lomonosov” [Knowledge Fund “Lomonosov”] [Electronic resource]. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134503> (date of access: May 18, 2021). [in Russian]

Ustnaya istoriya 2 – Ustnaya istoriya [Oral history] [Electronic resource]. URL: <http://oralhistory.ru/> (date of access: May 18, 2021). [in Russian]

Ustnaya istoriya v Karelii – Ustnaya istoriya v Karelii [Oral history in Karelia] [Electronic resource]. URL: <http://oralhist.karelia.ru/libr.htm> (date of access: May 18, 2021). [in Russian]

Ustnaya istoriya, 2017 – Ustnaya istoriya. Metodicheskie rekomendatsii dlya studentov istoricheskikh spetsial'nostey [Oral History. Methodical recommendations for students of historical specialties]. Sost. E.V. Volkov, R.S. Cherepanova. Chelyabinsk: YuUrGU, 2017. 16 p. [in Russian]

Vospominaniya zhenshchin, 2001 – Vospominaniya zhenshchin: ustnye istorii perekhodnogo perioda. Teoriya i praktika: sb. st. [Memories of Women: Oral Histories of the Transition Period. Theory and Practice] (2001). Bishkek: Fond “Soros-Kirgizstan” [in Russian]

XXII Vserossiyskiy... – XXII Vserossiyskiy konkurs istoricheskikh issledovatel'skikh rabot “Chelovek v istorii. Rossiya – XX vek”. 2020–2021 [XXII All-Russian Competition of Historical Research Works “Man in History. Russia – XX century”. 2020–2021] [Electronic resource]. URL: <https://urokiistorii.ru/article/57078> (date of access: May 18, 2021). [in Russian]

Zwangsarbeit Archiv – Zwangsarbeit Archiv [Electronic resource]. URL: www.zwangsarbeit-archiv.de (date of access: 18.05.2021). [in German]

Российский опыт развития устной истории (oral history): организационная структура, направления и формы деятельности. 1990–2020-е гг.Татьяна Кирилловна Щеглова^{а, *}^а Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается российский опыт развития устной истории в 1990–2020-е гг. как варианта возникшего за рубежом в середине XX столетия нового направления исторических исследований – oral history. Через историко-сравнительный анализ процессов образования, деятельности, ликвидации научных коллективов и центров по устной истории на диахронно и синхронном уровне рассматриваются направления их исследований, темы и формы деятельности центров, выявляются тенденции и особенности российской устной истории. Делаются выводы, что пионерами устной истории в ее зарубежном понимании (oral history) в России на начальном этапе стали университеты, при которых образовывались лаборатории устной истории и общественные правозащитные организации. Следствием этого стал рывок в формировании источниковой базы новейшей истории России и научно-методическом обеспечении исследований и подготовке молодых устных историков. Научные направления на этапе становления российской устной истории были обусловлены не только особенностями текущей социально-политической ситуации (гласность и перестройка) и накопившимися проблемами в отечественном источниковедении и историографии, но и компенсационным значением устной истории с ориентацией на работу с социальными группами, чьи права были ущемлены или нарушены в трагические периоды истории. Перелом в направлениях работы произошел в последующие 2000–2020-е гг. и проявился в расширении тематических исследований с использованием устной истории как источника и метода во всех сферах прошлой исторической жизни.

В статье обращается внимание на то, что проблемной зоной стала устная история Второй мировой и Великой Отечественной войн, которая попала в фокус сформировавшегося международного противостояния. Также описывается новая тенденция развития устной истории – вовлечение в деятельность не только образовательных, но и культурно-просветительных организаций, прежде всего, региональных музеев, для которых устная история предоставила новые возможности в выставочно-экспозиционной деятельности. Расширение участников устноисторических исследований совпало с развитием глобальных информационных сетей, что привело как к позитивным, так и негативным последствиям. Среди положительных описываются научные связи как внутри России, так и за рубежом; а также новые формы работы с использованием интернет ресурсов для создания и презентации источников (интернет-порталы, интернет-сайты). Но часто их жизнь бывает недолговечной и ведет к потере уникальных источников. Поэтому важнейшим остается создание устных архивов, а также публикация материалов интервью, о достоинствах и недостатках которых рассуждает автор статьи.

Ключевые слова: устная история, научно-организационные проблемы, исследовательские центры и лаборатории, методы и методика исследований, формы научно-исследовательской работы, научное сотрудничество.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tk_altai@mail.ru (Т.К. Щеглова)